

Климатические изменения как новый фактор международных отношений

Игорь Алексеевич Макаров, НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

Анна Артёмовна Шуранова, НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

Контактный адрес: imakarov@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Изменение климата и связанная с ним «зеленая» трансформация мировой экономики оказывают возрастающее влияние на международные отношения, в особенности после заключения Парижского соглашения в 2015 году. Параллельно с физическими рисками, исходящими непосредственно от негативных последствий климатических изменений, для государств актуализируются риски переходные, связанные с потенциальным ущербом для общества, политической системы и экономики от процессов глобального «зеленого» перехода. Для устранения физических рисков критически недостаточно текущих обязательств государств, взятых в рамках Парижского соглашения. Усиление же этих рисков ведет к повышению значимости обеспечения климатической безопасности государств. Переходные риски тесно связаны с фрагментацией мировой политики, возникающей вследствие разности климатических амбиций и несогласия между государствами на предмет масштабов и методов декарбонизации. В основе противоречий лежат такие факторы, как обеспеченность ископаемым топливом и место государств в энергетической геополитике; уровень социально-экономического развития; потенциал для использования возможностей «зеленой» трансформации; участие в международных климатических соглашениях и объединениях.

Перед целым рядом рисков оказывается и Россия, вследствие чего ее интересы лежат в плоскости развития и продвижения собственного видения процессов декарбонизации, а также консолидации незападных государств в этой сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

мировая климатическая политика, декарбонизация, международный климатический режим, физические риски, переходные риски, климатическая безопасность, энергетический переход

Введение

В 2024 г. исполняется 30 лет с момента вступления в силу Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН), объединяющей на сегодняшний день 198 государств. Целью Конвенции была заявлена «стабилизация концентраций парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему»¹. РКИК стала первым международным документом, закрепившим признание государствами проблемы изменения климата как отдельной от общего экологического дискурса. В те годы сложно было представить, что попытки решения климатических проблем будут оказывать существенное влияние на государственную и тем более мировую политику. Конвенция носила рамочный характер, устанавливая лишь общие принципы международного климатического регулирования. Киотский протокол (1997)² конвертировал положения РКИК в конкретные обязательства, однако в соответствии с установленным РКИК принципом общей, но дифференцированной ответственности количественные обязательства по сокращению выбросов были наложены только на развитые страны. Объем этих обязательств рассматривался как недостаточный для существенного смягчения изменения климата. Таким образом, в 2000-е гг. международный климатический режим характеризовался, с одной стороны, существованием первого юридически обязательного климатического соглашения, а с другой стороны – очевидной слабостью действий международного сообщества по смягчению климатических изменений.

Конференция сторон РКИК в Копенгагене (2009) продемонстрировала неспособность достичь глобального соглашения по климату с вовлечением развивающихся стран и с более радикальными формулировками, которые закрепили бы общие цели. В то время как не всегда признаваемым достижением Копенгагена стало первое в истории глобальных климатических документов упоминание необходимости ограничения к концу века роста глобальной температуры до 2°C по сравнению с доиндустриальной эпохой³, это положение не было принято даже в качестве декларативной цели и не изменило общего фона международной климатической политики «допарижского» периода: проблема изменения климата продолжала играть весьма скромную роль как фактор международных отношений.

Ее усиление произошло только после принятия Парижского соглашения (2015)⁴. Оно обязало присоединившиеся государства заявлять о собственных целях по сокращению выбросов (в форме так называемых определяемых на национальном уровне вкладов, ОНУВ). Соглашение стало важнейшим этапом в утверждении всеобъемлющего характера проблемы изменений климата и объединении усилий государств в борьбе с ними. Основной целью соглашения

1 Рамочная Конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата // UNFCCC. 9 мая 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/pjfcw> (дата обращения: 26.10.2023).
2 Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата // ООН. 11 декабря 1997. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/pjfef> (дата обращения: 26.10.2023).
3 "Draft decision /CP.15. Proposal by the President. Copenhagen Accord," UNFCCC, December 18, 2009, accessed October 26, 2023, <https://unfccc.int/resource/docs/2009/cop15/eng/l07.pdf>.
4 "Paris Agreement," UNFCCC, December 12, 2015, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/mtcwc>.

стало «удержание прироста глобальной средней температуры намного ниже 2°C сверх доиндустриальных уровней и приложение усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5°C».

Парижское соглашение, не являясь в части регулирования сокращений выбросов юридически обязательным, придало импульс активизации климатической политики на уровне отдельных акторов международных отношений. Так, вслед за «Зеленым курсом» Евросоюза¹, объявленным в 2019 г., более 70 государств официально декларировали цели достижения т.н. углеродной нейтральности – баланса между выбросами парниковых газов в атмосферу и их поглощениями². Их поддержали тысячи муниципалитетов и частных компаний.

Как представляется, возрастанию роли климата в мировой политике после 2015 г. способствовали два ключевых фактора. Во-первых, на международном уровне была установлена хотя и не имеющая юридической обязательности, но принятая консенсусом цель ограничения роста глобальной температуры, к выполнению которой должны стать причастными большинство стран мира – развитых и развивающихся. В то время как принцип «общей, но дифференцированной ответственности» остается ключевым, его значение трансформировалось от практически полного отсутствия действий одних (развивающихся экономик) и попыток ограничить рост мировых выбросов немногих других (развитых и переходных) к тому, что для первых также была признана необходимость участвовать в глобальных усилиях в меру своих возможностей. По этой причине развивающиеся государства, встретившиеся с усиливающимся международным давлением в сторону «зеленого» перехода, все сильнее требуют наращивания климатического финансирования и передачи низкоуглеродных технологий как главного условия выполнения своих новых целей.

Во-вторых, тесно связанной с этим тенденцией является усиление переплетения климатической повестки с мировыми экономическими процессами. На национальном и региональном уровнях вводятся системы углеродного ценообразования – углеродные налоги и системы торговли разрешениями на выбросы парниковых газов, которых по всему миру к текущему моменту насчитывается уже 73³. Налоговые стимулы для развития низкоуглеродных технологий, сокращение субсидий в поддержку ископаемого топлива, установление обязательных количественных целей относительно выбросов, использования возобновляемых источников энергии, энергоэффективности, введение «зеленых» стандартов и т.д.⁴ – все это трансформируют традиционные модели управления экономикой как на национальном, так и на международном уровне.

На развитие новых отраслей и направлений – ВИЭ, накопителей энергии, электромобилей и конкретных технологий для них – направляются значительные средства; меняются как макроэкономические процессы, так и модели пове-

1 "Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The European Green Deal.COM (2019) 640 final," European Commission, December 11, 2019, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pjfgp>.

2 "What is Carbon Neutrality and How can it be Achieved by 2050?," European Parliament, October 3, 2019, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/dflw>.

3 "Carbon Pricing Dashboard," The World Bank, 2023, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pjfmfp>.

4 Макаров, Степанов 2017.

дения потребителей, которые вынужденно формируют предпочтения с учетом возрастающей роли экологических критериев и сами активнее участвуют в этом новом рынке, что особенно ярко проявляется в электроэнергетике. Положение углеродоемких отраслей становится все более уязвимым: производители углеродо-, энерго- и ресурсоемкой продукции вынуждены адаптироваться к возрастающему количеству стандартов и требований, раскрывать нефинансовую отчетность и стремиться к повышению ESG-показателей, а компании и целые государства, специализирующиеся на ископаемом топливе, вынуждены включать будущее сокращение его потребления основными импортерами в долгосрочные стратегии своего развития.

Новейшей тенденцией является установление пограничных углеродных барьеров, которые не только трансформируют потоки международной торговли, но и могут стать средством воздействия государств с радикальным климатическим регулированием на остальные, подталкивая их к введению и ужесточению углеродного ценообразования.

Влияние климатической политики на международные процессы может быть проанализировано в категориях двух видов рисков.

С одной стороны, существуют физические риски, исходящие непосредственно от климатических изменений для социально-экономических систем. Объявляя цели по сокращению выбросов парниковых газов в рамках Парижского соглашения, государства стремятся к смягчению этих рисков, снижая ожидаемый ущерб от природных катастроф, подтопления прибрежных зон, засух, волн жары, деградации многолетней мерзлоты.

С другой стороны, переплетение климатической и экономической политик ведет к возникновению целой категории переходных рисков, которые несет процесс «зеленой» трансформации как на национальном, так и на глобальном уровне. Переходные риски могут заключаться в экономической и социально-политической нестабильности, связанной с трансформацией экономических моделей, у которой есть как бенефициары, так и пострадавшие – в первую очередь в традиционных углеродоемких отраслях и на территориях, максимально от них зависимых.

Специфика функционирования международного климатического режима и связанные с ним риски является хорошо разработанной темой в литературе¹. Ключевая его характеристика – развитие в формате «снизу вверх», т.е. сохранение на национальном уровне абсолютного большинства прав и полномочий в реализации мер климатической политики. Так, Парижское соглашение имеет юридически обязывающую часть, закрепляющую только саму необходимость формулирования климатической политики и сообщения о ней в наднациональный орган, однако содержательное наполнение такой политики остается в ведении каждого отдельного государства. Это является главным препятствием для консолидации глобальных усилий по борьбе с изменением климата и определяется в литературе понятием «Вестфальская дилемма»: в то время как некоторые из государств готовы жертвовать значительными выгодами и благами

1 Вирт 2017; Chasek 2017; Kaiser 2022; Klinsky, Brankovic 2018; Rothe 2011; Stranadko 2022.

(ускоренным экономическим ростом, углеродоемкими отраслями, даже частью доходов от неизвлеченного из-под земной поверхности ископаемого топлива), другие видят в низкоуглеродной трансформации посягательство на национальные интересы. В рамках существующей системы международных отношений заставить последние действовать соответствующим образом невозможно¹.

Различия в мотивации государств ведут к возникновению «линий разлома» в международной климатической политике, что влияет и на общую международно-политическую ситуацию. В данной статье мы рассмотрим эти «линии разлома» через призму двух упомянутых типов рисков, а также сделаем выводы о том, каким образом указанные риски воздействуют на ключевые международно-политические процессы.

Физические риски и климатическая безопасность

Десятилетие 2010–2019 гг. было самым теплым за всю историю наблюдений, и тренд на повышение температуры сохраняется – считается, что к настоящему моменту ее рост составил 1,1°C по сравнению с доиндустриальной эпохой. В случае реализации климатической политики на уровне 2020 г. к концу века прирост температуры может достигнуть 4°C, реализация же нынешних целей на 2030 г., установленных в рамках ОНУВ, ограничивает этот показатель примерно до 3°C². Любой из этих вариантов приведет к множеству необратимых последствий как для экосистем, так и для населения и экономики, избежать которых можно лишь значительно увеличивая амбициозность целей по сокращению выбросов. При этом сейчас выбросы парниковых газов в мире не только не стремятся к нулю, но продолжают расти: выбросы от сжигания топлива в 2021 г. увеличились на 6% по сравнению с предыдущим годом, достигнув наивысших за историю показателей³, а в 2022 г., по предварительным оценкам, этот рекорд обновлен⁴.

Текущих обязательств по сокращению выбросов, взятых на себя государствами, недостаточно для достижения цели Парижского соглашения в 1,5°C даже с условием, что после 2030 г. будут приняты более амбициозные меры регулирования⁵. Усугубляет ситуацию сохраняющийся разрыв между декларируемыми целями и реальными действиями⁶.

Физические риски изменения климата влияют на государства в зависимости от их физико-географического положения и уровня экономического развития. Климатические изменения ведут к повышению уровня Мирового океана, таянию многолетней мерзлоты, увеличению частоты и интенсивности стихийных бедствий, усугублению водного стресса на многих территориях, снижению уровня продовольственной безопасности, усилению миграционных потоков⁷. Наибо-

1 William D. Nordhaus, "Global Public Goods and the Problem of Global Warming," The Institut d'Economie Industrielle (IDEI), June 14, 1999, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pkdbm>.

2 "IPCC Sixth Assessment Report. Working Group III: Mitigation of Climate Change," IPCC, March 21, 2023, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pjfou>.

3 "Take Urgent Action to Combat Climate Change and its Impacts," United Nations, August 2023, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pjfpn>.

4 Friedlingstein et al. 2022.

5 "IPCC Sixth Assessment Report. Working Group III: Mitigation of Climate Change."

6 "Emissions Gap Report 2022," UNEP, October 27, 2022, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pjfqh>.

7 Busby 2021.

лее уязвимы при этом развивающиеся и наименее развитые государства – они занимают все нижние строчки в индексе *ND-GAIN*, оценивающем уязвимость к климатическим изменениям и готовность к ним¹. В 2010–2020 гг. в высокоуязвимых странах, большинство которых – развивающиеся, смертность от негативных последствий изменения климата (наводнений, засух и иных природных катаклизмов) в 15 раз превышала показатели для низкоуязвимых стран². Особенно уязвимы страны Африки и Азии, многие из которых подвержены широкому набору связанных с изменением климата рисков, имеющих отношение к энергетической, продовольственной и водной безопасности³.

В соответствии с различными сценариями изменения климата уровень Мирового океана должен подняться к 2100 г. на 30–80 см⁴. Это несет сильнейшие риски для малых островных развивающихся государств – ожидается, что ежегодно затопляемые территории для них увеличатся к 2050 г. в 3 раза по сравнению с 2023 г., а потери будут составлять в совокупности более 1,6 млрд долл. в год⁵. Однако ощутимыми последствия подтоплений будут и для материковых стран: так, даже если повышение уровня моря затронет территории на расстоянии 500 м от береговой линии, только в ЕС под угрозой окажется инфраструктура общей стоимостью от 500 млрд до 1 трлн евро⁶.

Крайне уязвим Арктический регион, где рост температуры происходит в 4 раза быстрее, чем в среднем в мире: значительная часть Северного Ледовитого океана с 1979 г. становилась теплее примерно на 0,75°C в десятилетие⁷. Каждое десятилетие ледовый покров в Арктике сокращался на 13%, что способствует дальнейшему потеплению как в регионе, так и по всему миру: по мере таяния льдов снижается отражающая способность поверхности планеты, в результате чего рост температуры приобретает дополнительное ускорение⁸. Рост температуры в Арктике ведет к нарушению локальных экосистем, сокращению биоразнообразия, подтоплению прибрежных территорий, а также к разрушению созданной человеком инфраструктуры. Последнее происходит и в зонах распространения многолетней мерзлоты, таяние которой опасно как для расположенной на ней инфраструктуры, так и из-за угрозы высвобождения значительных объемов содержащегося в грунтах метана – газа, имеющего в десятки раз более высокую парниковую способность, чем CO_2 .

Воздействие климатических изменений на экосистемы и места проживания людей, а также на сельскохозяйственную деятельность повлечет за собой и дополнительные риски продовольственной безопасности⁹. Сельское

1 “Country Index,” Notre Dame Global Adaptation Initiative, 2023, accessed October 26, 2023, <https://gain.nd.edu/our-work/country-index/>.

2 “The Sustainable Development Goals Report, Special edition,” United Nations, July 10, 2023, accessed October 26, 2023, <https://unstats.un.org/sdgs/report/2023/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2023.pdf>.

3 “Global Warming of 1.5 °C: Special Report,” United Nations, October 8, 2023, accessed October 26, 2023, <https://www.ipcc.ch/sr15/>.

4 Ibid.

5 Vousedoukas 2023.

6 “Consequences of Climate Change,” European Commission, 2023, accessed October 26, 2023, https://climate.ec.europa.eu/climate-change/consequences-climate-change_en.

7 Rantanen 2022.

8 “How much has Arctic Ice Declined, and How does that Compare to Past Periods in the Earth’s history?,” MIT Climate Portal, April 10, 2023, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pjfsi>.

9 “Climate Change and Food Security: Risks and Responses,” Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2015, accessed October 26, 2023, <https://www.fao.org/3/i5188e/i5188E.pdf>.

хозяйство страдает также от учащающихся стихийных бедствий (особенно засух и наводнений), от изменения ареалов обитания вредителей, от растущей нехватки воды, также зачастую обусловленной изменением климата. Хотя рост температуры и способствует увеличению количества осадков в целом на планете, их распределение происходит крайне неравномерно. Во многих районах засушливость климата усиливается. Одновременно происходит таяние горных ледников, являющихся источниками питания для многих рек на сухих территориях.

Изменение климата ведет и к увеличению миграционных потоков из ставших непригодными для проживания территорий. В первую очередь речь идет о внутристрановых миграциях, однако риски увеличения числа климатических беженцев также существуют¹. Некоторые оценки демонстрируют, что уже к 2030 г. только вследствие засух место жительства придется сменить около 700 млн человек².

Разнообразие физических рисков, которые несет изменение климата, позволяет ввести понятия климатических угроз и климатической безопасности как состояния защищенности от них³. Изменение климата представляет собой угрозу в нескольких измерениях⁴. Во-первых, оно угрожает жизнедеятельности человека и может сделать значительные территории непригодными для проживания. Во-вторых, климатические изменения становятся угрозой для экономической, продовольственной и водной, эпидемиологической безопасности; речь идет об обеспеченности ресурсами, необходимыми для поддержания жизнедеятельности, а также о потенциальном ущербе местам расселения людей, более высокой скорости распространения эпидемических заболеваний вследствие повышения температур и т.п. В-третьих, изменение климатических условий может вызывать миграцию, что, в свою очередь, способно приводить к конфликтам. Их обострению способствует и нехватка базовых ресурсов. Соответственно, выстраивается и концепция «резильентности» к климатическим рискам – устойчивости по отношению к ним национальных государств, экономических укладов, социальных систем и сообществ, а также экосистем⁵.

Секьюритизация климатических изменений преподносится как новая норма в международном сообществе⁶. Делается это как в «прагматическом», так и в «апокалиптическом» ключе, с различными алармизмом, эмоциональностью в соответствующих действиях⁷. В этом участвуют государственные ведомства, международные организации, негосударственные акторы (природоохранные организации, исследовательские центры, политические партии и пр.), а также военные (в том числе посредством формирования в ряде государств

1 "Take Urgent Action to Combat Climate Change and its Impacts."

2 Ibid.

3 Шуранова, Чистиков 2023.

4 Niklas Bremberg and Simone Bunse, "Climate, Peace and Security in a Changing Geopolitical Context: Next Steps for the European Union," SIPRI, February 2023, accessed October 26, 2023, <https://doi.org/10.55163/LKCG6004>; Kameyama, Ono 2021; Malin Mobjörk, Maria-Therese Gustafsson, Hannes Sonnsjö, Sebastian van Baalen, Lisa Maria Dellmuth and Niklas Bremberg, "Climate-related security risks: towards and integrated approach," SIPRI, October 2016, accessed October 26, 2023, <https://sipri.org/publications/2016/climate-related-security-risks>.

5 Boas, Rothe 2016; Ferguson 2019.

6 Odeyemi 2020.

7 Daoudy et al. 2022; Pettenger 2017.

специализированных подразделений для борьбы с природными катастрофами¹). Оборонная, миграционная политики и политика развития некоторых государств проходят процессы «климатизации», интегрируя дискурс секьюритизации изменений климата². Последний же варьирует в зависимости от того, безопасность кого или чего находится в центре внимания: человеческая, национальная, международная безопасность или безопасность экосистем³.

Как уже отмечалось, изменение климата рассматривается как мультипликатор рисков возникновения вооруженных конфликтов⁴. Наиболее распространенными «каналами» трансляции воздействия изменений климата на конфликтный потенциал являются обострение борьбы за управляемые природные ресурсы (доступ к воде, к подходящим для хозяйствования территориям), ухудшение условий жизни значимой части населения (в особенности в зависимых от сельского хозяйства экономиках) и макроэкономических показателей государства в целом, скачки цен на продовольственные товары, вынужденное переселение людей из ставших непригодными для существования территорий⁵.

Негативные эффекты изменений климата могут проявляться в большей степени в государствах, имеющих низкую дееспособность; меняющиеся климатические условия способны усиливать межгрупповое неравенство, углубляя имеющиеся противоречия⁶. Изменения климата и вооруженные конфликты формируют своего рода замкнутый круг: конфликты повышают уровень бедности, ведут к экономическому спаду, ослабляют функционирование государственных систем; в свою очередь, эти политические и социально-экономические трансформации подрывают возможности адаптации к изменениям климата, что открывает путь к гуманитарным катастрофам⁷.

Впрочем, результаты соответствующих кейс-стади по конкретным регионам или государствам зачастую противоречивы⁸. Например, повышение температуры и увеличение осадков может как позитивно, так и негативно сказаться на урожайности сельскохозяйственных культур, что оказывает разнонаправленное воздействие на риск возникновения конфликта на почве борьбы за ресурсы. Повышение температуры само по себе может снизить конфликтный потенциал, поскольку люди будут заняты поиском убежища и окажутся менее склонны к насильственным действиям⁹. Кроме того, результаты исследований одних и тех же факторов по различным государствам и регионам могут быть прямо противоположными¹⁰, а влияние климатических изменений на различные местности и общества – крайне неравномерным¹¹. Наконец, многие исследования посвящены

1 de Souza Boeno, Soromenho-Marques 2017.

2 Oels 2013; Scartozzi 2022.

3 McDonald 2013.

4 Buhaug 2016; "Climate Change 2014: AR5 Synthesis Report," IPCC, November 1, 2014, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pkerf>; Mach et al. 2019.

5 Buhaug 2023.

6 Harari, La Ferrara 2018; Pacillo et al. 2022.

7 Buhaug, von Uexkull 2021.

8 Gilmore 2017; Koubi 2019; von Uexkull, Buhaug 2021.

9 Xie et al. 2022.

10 van Weezel 2020.

11 Sebastian van Baalen and Malin Mobjörk, "Coming Anarchy: Pathways From Climate Change to Violent Conflict in East Africa," Stockholm University, September 2016, accessed October 26, 2023, <https://www.researchgate.net/publication/307943631>.

внутригосударственным либо внутрирегиональным конфликтам, в то время как возможности повышения риска межгосударственных и межрегиональных конфликтов остаются недостаточно изученными¹.

Переходные риски и глобальная фрагментация

Помимо физических рисков, вызванных самими климатическими изменениями, для государств и международной системы имеют значение и риски, возникающие вследствие принятия мер по борьбе с ними². Налицо фрагментация мировой климатической политики, неспособность государств прийти к консенсусу как о способах и масштабах смягчения климатических изменений, так и по поводу распределения ответственности за реализацию требуемых мер. В основе имеющихся противоречий лежит целый ряд факторов, определяющих формирование климатической политики государств, ее эволюцию и уровень амбициозности, а также позиционирование и интересы этих государств в рамках международного климатического режима.

Фактор ископаемого топлива и энергетическая геополитика под влиянием климатической повестки

Одним из основных таких факторов является зависимость государств от ископаемого топлива. Его экспортеры в качестве ключевой угрозы со стороны «зеленой» трансформации мира рассматривают изменение существующей экономической модели³, что, в свою очередь, может повлечь за собой политическую нестабильность. Климатические изменения, хотя и признаются объективно существующими, не приоритизируются экспортерами выше национальных интересов социально-экономического развития.

В свою очередь, импортеры склонны к алармистскому дискурсу об экзистенциальном характере климатического кризиса. Этот дискурс уже приобрел официальный характер во многих развитых государствах. «Зеленая» же трансформация должна способствовать достижению экономической и энергетической безопасности импортеров посредством снижения зависимости от поставок зарубежных энергоносителей. Стремясь сконструировать свой образ лидеров борьбы с климатическими изменениями в глобальном масштабе, некоторые из импортеров фактически ратуют за новую экономическую модель, основанную на «зеленых» принципах и несущую им выгоды в долгосрочной перспективе. Поскольку же такая амбициозность прочно вошла в международную повестку и в круг критериев внешнеполитического имиджа государств, экспортеры вслед за импортерами вынуждены устанавливать цели по достижению углеродной нейтральности. Очевидно, что для их участия в таком международном сотрудничестве экспортерам необходимы некие внешние стимулы, которые носят как репутационный, так и экономический характер. Потребители их продукции (не только ископаемого топлива, но и других углеродоемких товаров) все чаще требуют раскрытия

1 Theisen et al. 2017.

2 Lamain 2022.

3 Johnsson et al. 2019.

углеродного следа. Евросоюз, а в перспективе и другие крупнейшие экономики, вводят пограничные компенсационные механизмы для ввозимой углеродоемкой продукции. Такие механизмы необходимы, в логике вводящих их акторов, по двум соображениям. Во-первых, для недопущения «утечки выбросов» за рубеж ввиду потери конкурентоспособности местных производителей по сравнению с зарубежными компаниями или же релокации их производств в другие точки планеты. Во-вторых, для побуждения торговых партнеров к ужесточению климатического регулирования в целях минимизации потерь своих компаний-экспортеров. С позиций же этих торговых партнеров компенсационные пограничные механизмы выглядят как «углеродный протекционизм».

Схожая с зависимостью от ископаемого топлива логика действует и для государств, значительную долю экспорта которых занимает углеродоемкая продукция. Переходные риски для обеих этих групп заключаются в угрозе сокращения их доли на мировых рынках, что требует диверсификации или, зачастую, структурной трансформации экономики, без чего адаптация к предполагаемому новому энергетическому ландшафту становится трудноосуществимой.

Таким образом, климатическая политика нацелена на трансформацию энергетической политики и, соответственно, может способствовать трансформации всей современной международной системы. На энергетический сектор приходится примерно $\frac{3}{4}$ всех выбросов парниковых газов в мире, и именно он одним из первых подвергается декарбонизации в рамках климатической политики, прежде всего в странах, зависимых от импорта энергоносителей, где «зеленая» трансформация рассматривается как один из инструментов обеспечения энергетической безопасности. Как следствие, предполагается, что по мере глобального энергоперехода будет происходить постепенный отказ крупнейших потребителей от ископаемого топлива.

Геоэкономика нового энергетического уклада отличается от традиционной в нескольких аспектах. Прежде всего трансформируется ресурсная база межгосударственной взаимозависимости: для возобновляемой энергетики возрастает значимость т.н. критических металлов и минералов, необходимых для производства технологических установок генерации энергии (литий, кобальт, графит, редкоземельные металлы и т.д.). Спрос на них по мере ускорения энергетического перехода будет только расти. На строительство ветровой электростанции необходимо в девять раз больше минеральных ресурсов, чем электростанции на природном газе¹. При этом такие материалы крайне неравномерно распределены по планете, некоторые государства контролируют наибольшую часть их запасов: например, 68,4% всех редкоземельных металлов сосредоточены в Китае, России и Бразилии². Вместе с тем большое значение имеет обладание технологиями и мощностями их переработки. Большую часть этого рынка занимает Китай. Он, в частности, является единственной страной, контролирующей все этапы цикла использования редкоземельных металлов: от добычи сырья до производства продукции высоких переделов и конечного потребления. Россия,

1 "The Role of Critical Minerals in Clean Energy Transitions," International Energy Agency, May 2021, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pjfwc>.

2 "Statistical Review of World Energy 2022, 71st edition," BP, 2022, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/nwdio>.

как и другие страны, направляет в Китай сырье для переработки: в 2019 г. там было переработано 35% мирового никеля, 50–70% лития и кобальта, 90% редкоземельных металлов¹.

К ресурсному аспекту относится и проблематика неравномерного распределения возобновляемой энергии. Но если ископаемые энергетические ресурсы характеризуются достаточно высокой концентрацией, то возобновляемые, хотя и в неравной степени, распределены по всей планете². Технический потенциал солнечной энергии усиливается по мере приближения к экватору и к внутренним зонам континентов, ветровой – к прибрежным зонам. Зачастую наибольшим техническим потенциалом возобновляемой энергии в силу своего географического расположения обладают страны глобального Юга³, однако они, как правило, не располагают достаточными финансовыми ресурсами и технологиями для конвертации этого потенциала в практические меры по энергопереходу. Но если учитывать не только долю государства в обеспеченности конкретным видом ресурсов от его общемировых запасов (технического потенциала), но и его долю в мировом населении, то возобновляемые энергоресурсы имеют ненамного более равное распределение по планете, чем ископаемое топливо⁴.

Энергопереход изменяет географию экспортеров и импортеров энергоносителей. Производителями и даже экспортерами могут стать в том числе те государства, которые в настоящий момент зависят от импорта ископаемого топлива. Появляются и просьюмеры – одновременно производители энергии на экспорт и потребители импортируемой⁵. Могут терять актуальность некоторые из традиционных маршрутов поставки энергоносителей (например, Ормузский пролив), как и уже имеющаяся и строящаяся газо- и нефтепроводная инфраструктура (что актуализирует вопрос о ее перенастройке, например, на трансграничные поставки водорода)⁶.

В инфраструктурном аспекте значительных капиталовложений потребуют инфраструктура генерации возобновляемой энергии, технологии и установки ее накопления, а также электросети. Трансграничные линии электропередач будут постепенно становиться новой критической инфраструктурой, поскольку экспорт электроэнергии будет замещать торговлю природным газом и нефтью. В свою очередь, повышение электрификации, являющееся одним из ключевых трендов политики декарбонизации и, одновременно, цифровизации электроэнергетической инфраструктуры, ведет к росту уязвимости перед киберугрозами.

Наконец, важной частью новой геоэкономики становятся технологии – наличие передовых и одновременно дешевых технологических решений, которые можно применять в массовом масштабе и экспортировать. Возникают риски технологического доминирования одних государств над другими, а технологиче-

1 Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2019 году» // Минприроды России. 27 января 2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/pkcuq> (дата обращения: 26.10.2023).

2 Vakuichuk et al. 2020.

3 “Geopolitics of the Energy Transformation: The Hydrogen Factor,” IRENA, January 2022, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pkcz>.

4 Overland et al. 2022.

5 Scholten et al 2020.

6 Blondeel et al. 2021.

ская независимость в водородной энергетике и в энергопереходе в целом станет новой значимой составляющей национальной безопасности и экономического суверенитета.

Фактор социально-экономического развития и возможности трансформации социально-политических систем

Другим важным фактором климатической политики государств, а также фактором ее взаимосвязи с мировой политикой является социально-экономическое развитие. Концепция «зеленой» экономики стала центральным предметом дискуссий в рамках парадигмы устойчивого развития начиная с Конференции ООН по устойчивому развитию 2012 г. и была принята в качестве ориентира во многих развитых странах. Концепция сфокусирована на повышении благосостояния человека при одновременном снижении вреда, наносимого им окружающей среде. В «зеленой» экономике социально-экономическое развитие и рост доходов и занятости населения предположительно осуществляются за счет инвестиций в те виды деятельности, которые не только экономически эффективны, но и сокращают выбросы парниковых газов, уменьшают загрязнение окружающей среды, повышают экологическую эффективность хозяйственной деятельности, а также предотвращают потерю биоразнообразия и причинение иного ущерба экосистемам¹. Таким образом, «зеленая» экономика – это зонтичный термин, под которым скрывается множество направлений экономической деятельности, включая обеспечение энерго- и материалоэффективности, развитие низкоуглеродных технологий в энергетике и транспорте, рациональное использование водных, земельных, лесных, рыбных ресурсов, управление отходами и т.д.²

В рамках «зеленой» трансформации речь зачастую ведется о переходе от линейной к циркулярной экономике³, с фокусом на минимизацию отходов посредством повышения ресурсоэффективности, вторичного использования и переработки, то есть создания замкнутого цикла, в котором потребление ресурсов, материалов и конечных товаров «устойчиво»⁴. Фрейм «зеленого» роста распространяется и в политическом дискурсе, что предполагает сочетание экономического роста с сохранением природных ресурсов, минимизацией ущерба окружающей среде и укреплением резильентности к экологическим рискам⁵.

Переходя к «зеленой» экономике и постепенно стабилизируя, а затем и сокращая потребление энергии, странам придется все меньше ориентироваться на традиционные показатели, определяющие их место в мировой экономической системе (главный из которых – ВВП), и переходить на некие комплексные индикаторы развития, охватывающие не только уровень материального благосостояния, но и качество окружающей среды⁶. Наиболее радикальная концепция

1 "Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication," UNEP, 2011, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pkcvcs>.

2 Loiseau et al. 2016.

3 "Uncovering Pathways Towards an Inclusive Green Economy. A Summary for Leaders," UNEP, 2015, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pkccwg>.

4 Hill 2015.

5 "Inclusive Green Growth. The Pathway to Sustainable Development," World Bank, February 1, 2013, accessed October 26, 2023, <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-9551-6>; "Towards Green Growth," OECD, May 25, 2011, accessed October 26, 2023, <https://doi.org/10.1787/9789264111318-en>.

6 Albert 2022.

«антироста» и вовсе постулирует, что полный разрыв («декаплинг») экономического роста и потребления ресурсов в принципе невозможен, в связи с чем следует задуматься о переходе к модели социально-экономического развития, предполагающей отказ от экономического роста вообще при фокусировании на некоем общественном благосостоянии или даже уровне счастья¹.

В части социально-экономического развития переходные риски для международно-политической системы транслируются в нескольких измерениях.

Во-первых, трансформации, происходящие в государственной политике в связи с растущей ролью изменения климата, могут негативно отражаться на экономике страны, если уровень ее диверсификации и готовности к изменениям не соответствует темпам и масштабам происходящих процессов, не позволяет к ним адаптироваться. Риски могут представлять, в частности, последствия энергетического перехода (например, резко возросший спрос на редкоземельные металлы и иные критичные для энергоперехода материалы, добыча которых в государствах со слабыми системами управления иногда сопровождается нарушениями прав человека), возможное противодействие граждан исчезновению традиционных источников дохода (от ископаемых видов топлива до земельных ресурсов, которые задействуются под установки генерации возобновляемой энергии или лесоразведение) либо, наоборот, их недовольство недостаточно активной климатической политикой ввиду ухудшающихся экологических условий, а также негативные последствия непродуманных адаптационных и митигационных мероприятий для состояния локальной окружающей среды и социальных систем². Так, электрическая и тепловая энергия могут становиться дороже для потребителей как результат энергоперехода в условиях, когда ВИЭ еще не достигли ценового паритета с ископаемым топливом, что отразится как на индивидуальных домохозяйствах, так и на стоимости потребительских товаров; одновременно занятые в углеродоемких отраслях могут терять рабочие места, а в более широком контексте такой спад может повлечь уменьшение общих доходов государства и соответствующее сокращение социальных расходов.

Во-вторых, элементы климатического и экологического дискурса все больше включаются в общественно-политическое поле и ценностные системы: появляются общественные группы и движения, оперирующие в широких рамках энвайронментализма, поддержка которых имеет все большее значение для легитимации государственной власти³. Распространение этого идеологического направления рассматривают как один из индикаторов перехода обществ к постматериалистическим ценностям⁴, что предполагает отказ от экономических нужд, от безопасности в пользу самоактуализации, приоритетности интеллекта, самовыражения, прав человека, равенства и т.п.⁵ Распространение постматериалистических ценностей ведет в том числе к распространению энвайронментализма – граждане начинают проявлять большую степень заботы и беспокойства об окружающей

1 "Growth Without Economic Growth," European Environmental Agency, January 11, 2021, accessed October 26, 2023, <https://www.eea.europa.eu/publications/growth-without-economic-growth>.

2 Buhaug et al. 2023.

3 Dryzek et al. 2003.

4 Tørstad et al. 2020.

5 Inglehart 1981; Inglehart 1971.

среде¹. Некоторые исследования устанавливают взаимосвязь демократичности политического режима с экологической ситуацией в стране; основная логика при этом состоит в том, что демократии обязаны предоставлять гражданам больший, чем автократии, набор общественных благ, в число которых входит и состояние окружающей среды². Впрочем, непросто отделить эти взаимосвязи от зависимости качественной окружающей среды от уровня дохода: постматериалистические ценности и демократичность нередко характерны именно для экономически развитых государств. Граждане в них уже обеспечили себе удовлетворение базовых потребностей, а потому предъявляют повышенный спрос на качественную окружающую среду. В бедных же странах, имеющих дело с массой других приоритетных задач, она остается скорее товаром роскоши.

Независимо от причины, в развитых странах растет запрос на включение климатических проблем в политическую повестку. Многие политические партии, преимущественно либерального и социально-демократического толка, используют их в качестве важной части своей политической платформы – например, Демократическая партия в США; Лейбористская партия в Великобритании; Либеральная, Рабочая и Социалистическая левая партии в Норвегии; Объединенные левые, «Подemos» и другие левые партии Испании и т.д. Распространяются и «зеленые» партии, также характеризующиеся социально-демократическими и в целом левыми идеологическими установками: такие политические силы выступают с позиций необходимости кардинального усиления климатических обязательств, нередко игнорируя возможные экономические последствия и объективные ресурсные ограничения. Им близки идеи полного прекращения поддержки углеродоемких отраслей и добычи углеводородов, а также альтернативные капитализму концепции государственного развития, в том числе «антирост». Такие партии способны набирать весомую политическую силу: так, сейчас они присутствуют в парламентах и входят в правительства Германии, Австрии, Бельгии, Ирландии и Исландии. До 2022–2023 гг. «зеленые» также составляли часть правящих коалиций в Финляндии, Швеции, Черногории, Новой Зеландии и Люксембурге, однако на фоне текущего мирового кризиса, коснувшегося в том числе энергетики, они вернулись в оппозицию, представляя, таким образом, интересы меньшей, чем ранее, части граждан. Как свидетельствуют примеры деятельности «зеленых» политических сил, в случае прихода к власти они способны влиять и на внешнеполитический курс. Ярким примером этому явилось назначение на пост министра иностранных дел уже в 1998 г. представителя германских «зеленых» Й. Фишера. И сегодня “Die Grünen” входят в правящую коалицию, а их представитель А. Бербок возглавляет министерство иностранных дел. Под влиянием «зеленых» политических сил может трансформироваться не только государственная климатическая политика, но и внешнеполитическая стратегия в целом.

Отдельным аспектом социально-экономического фактора является то обстоятельство, что изменение климата и необходимость борьбы с ним / адаптации к нему открывают новую грань проблем развития и межстранового неравенства³.

1 Booth 2017.

2 Fredriksson et al. 2005; Neumayer 2002.

3 Григорьев et al. 2020; Liu et al. 2022; Faus Onbargi 2022.

В развивающихся странах отсутствуют возможности инвестировать необходимые средства в «зеленый» переход, вследствие чего их отставание от развитых экономик может усилиться: в краткосрочной перспективе – в силу сокращения спроса на углеродоемкую продукцию, являющуюся основой их специализации; в долгосрочной перспективе – вследствие отсутствия доступа к низко- и безуглеродным технологиям, которые могли бы выстроить новую базу для развития экономик этих стран.

Межстрановые противоречия усиливаются тем, что в рамках климатического дискурса страны Юга нередко маргинализируются, будучи изображенными как средоточие насилия и новых угроз¹. Это связано с более высоким конфликтным потенциалом, вызванным в том числе изменением климата в странах Глобального Юга, а также с опасениями относительно возможного притока в развитые страны климатических беженцев.

Внешние факторы и «климатические клубы»

Еще одним значимым в международно-политическом контексте фактором, воздействующим на формирование климатической политики государств, является участие в международных климатических соглашениях и объединениях. К последним относятся как соглашения, действующие в рамках РКИК ООН (Киотский протокол, Парижское соглашение, документы, принятые по итогам Конференции сторон РКИК), так и отдельные многосторонние объединения и коалиции. Такие объединения включают в себя переговорные группы в рамках РКИК, образованные по региональному принципу и по конкретным направлениям (например, коалиция государств с влажными тропическими лесами); формирующиеся «зеленые альянсы» (например, между ЕС с Японией и Норвегией); а также «климатические клубы».

Последние представляют собой более жесткие режимы, которые стали появляться на дискурсивном, а затем и на организационном уровне после принятия Парижского соглашения². Они оказывают значительное влияние на эволюцию климатической политики государств, которое (в зависимости от типа клуба) может проявляться в санкционных мерах, применяемых за неисполнение каких-либо целей или договоренностей³. Сама концепция климатического клуба была предложена в 2015 г. нобелевским лауреатом У. Нордхаусом и предполагала довольно жесткие критерии, в частности координацию государствами-членами климатической политики и введение общего пограничного корректирующего углеродного механизма для импортируемых товаров из третьих стран⁴. Идея климатических клубов разрабатывалась и расширялась⁵, были предложены различные по жесткости их формы⁶, а ряд авторов высказывался в пользу того, что именно такая форма коалиций является наи-

1 Mirumachi et al 2020.

2 Falkner et al. 2022.

3 Rafael Leal-Arcas and Andrew Filis, "International Cooperation on Climate Change Mitigation: The Role of Climate Clubs. Queen Mary Law Research Paper No. 362/2021," SSRN, September 13, 2021, accessed October 26, 2023, https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3863973.

4 Nordhaus 2015.

5 Clausing, Wolfram 2023; Falkner 2016; Gampfer 2016; Leal-Arcas, Filis 2021.

6 Falkner et al. 2022.

более многообещающей для достижения температурных целей Парижского соглашения¹.

Прообразами «климатических клубов» можно считать группы государств, занимающих схожую переговорную позицию в рамках РКИК по вопросам глобального управления в сфере климата, – «зонтичную группу», «группу ОПЕК», «группу BASIC», малые островные государства, наименее развитые страны, «Группу 77» и т.д.² В последние годы в рамках активизации климатической дипломатии Евросоюз инициировал создание климатического клуба совместно с США в составе Группы семи; решение о запуске уникального к настоящему моменту формата объединения государств в климатической политике было принято в 2022 г.³, хотя на практике функционирование клуба не запущено до сих пор. Вместе с новыми взаимозависимостями сформируются и новые альянсы, а уже существующие могут быть укреплены климатической компонентой. В то же время остальные из указанных групп преимущественно не институционализированы, а позиции и интересы государств даже в их рамках могут существенно отличаться.

Формирующиеся «климатические клубы» способны закрепить существующие «линии разлома» в мировой климатической политике на долгосрочную перспективу и отразиться на системе международных отношений в целом, усиливая ее растущую фрагментацию. Учреждение климатического клуба в рамках Группы семи указывает на стремление наиболее развитых экономик мира к усилению координации климатического регулирования, еще более обострившееся на фоне углубления энергетического сотрудничества после объявлений об отказе от российских углеводородов. Несмотря на заявления об открытости для всех стран, приверженных полному выполнению целей Парижского соглашения, эта площадка, вероятнее всего, соберет вокруг себя в основном членов Организации экономического сотрудничества и развития. В этом плане показательно, что на площадках, где присутствуют и развитые страны, и развивающиеся, – например в Группе двадцати – отмечаются гораздо большие противоречия. Несмотря на общее согласие относительно важности борьбы с изменением климата, там невозможно достичь консенсуса относительно темпов и методов движения к углеродной нейтральности, а также выработать единые цели климатической политики⁴. В частности, страны БРИКС занимают особую позицию в международном климатическом регулировании⁵ вследствие схожести интересов, заключающихся в приоритетности социально-экономического роста и технологического развития даже в условиях необходимости повышения климатических амбиций. Впрочем, несмотря на усиливающуюся согласованность позиций в рамках международных площадок, о создании оформленного «климатического клуба» БРИКС на данный момент говорить преждевременно. Однако этот процесс, как и появление других подобных региональных и межрегиональных объединений, может быть ускорен такими мерами, как пограничный компенсирующий угле-

1 Tarr et al. 2023; Tagliapetera, Wolff 2021.

2 Ковалев, Поршнева 2021; Tobin et al 2018.

3 "Terms of Reference for the Climate Club," G7 Germany, December 12, 2022, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pkcyo>.

4 Unger, Thielges 2021.

5 Xiujun 2020.

родный механизм ЕС, которые рассматриваются третьими странами в качестве очевидной угрозы их экономической безопасности.

Расколы международного сообщества по линии «климатических клубов» символизирует и то, что не все государства готовы в одинаковой степени передавать климатическое регулирование на наднациональный уровень, углубляя сотрудничество в этой сфере. Это относится, например, к рассмотренной выше проблеме климатической безопасности: в 2021 г. произошла попытка внести ее в повестку Совета Безопасности ООН, заблокированная Россией с мотивацией недопущения приравнивания климатических изменений по значимости к ключевым коренным причинам вооруженных конфликтов¹, что, в свою очередь, могло бы привести к игнорированию разрешения последних.

«Климатические клубы» в изначальном варианте представляют собой экономическую концепцию, и на текущий момент неизвестно, будут ли они в практическом выражении в большей степени экономическими или политическими объединениями. Кроме того, некоторые исследования утверждают, что большее стимулирующее влияние на климатический курс государств оказывает членство не в климатических, а в экономических, военных, политических либо всеобъемлющих международных объединениях, которые могут обеспечить финансовую, организационную и технологическую поддержку «зеленой» трансформации (что особенно актуально для развивающихся стран)².

Заключение

Климатическая политика становится одним из наиболее актуальных вопросов в современном политическом поле, и в дальнейшем ее значимость будет только расти. Человечество все чаще сталкивается с экстремальными погодными явлениями, а также с постепенными изменениями условий жизнедеятельности (например, в силу повышения уровня Мирового океана или усугубления водного стресса). Государства глобального Севера примут первых климатических беженцев и будут все больше обсуждать новые конфликты, вызванные климатическими изменениями, в рамках глобальных форумов безопасности. Фокус ресурсного дефицита будет постепенно смещаться от нефтегазовых ресурсов, контролируемых государствами ОПЕК+, в сторону металлов и минералов, критичных для энергоперехода, а также возобновляемых природных ресурсов вроде пахотных земель и пресной воды, приобретающих все большую ценность в связи с изменением климата. Энергетика ведущих стран будет все меньше зависеть от углеводородов, за счет которых был возможен их экономический рост в прошлом. Крупнейшие державы все больше будут конкурировать за контроль над технологическими решениями, которые составят основу нового технологического уклада. На геополитической карте мира страны «центра» практически не изменятся; но их региональные интересы и направления расширения политико-экономического влияния могут значительно сместиться. Разлом между развитыми и развивающимися странами

1 Политизация климата. Почему Россия заблокировала климатическую резолюцию ООН // ТАСС. 17 декабря 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13219399> (дата обращения: 26.10.2023).

2 Spilker 2011.

если не усилится, то точно не станет меньшим, так как теперь его будет обострять и климатическая тематика, переплетенная с развитием технологий, перетряской имеющихся конкурентных преимуществ различных государств, а также изменением условий для их социально-экономического развития. Обострятся вопросы глобального неравенства, неравномерного распределения богатства и гегемонии в мировой политике. Это усилит намечающийся уже подъем антизападной повестки, которая объединит большое количество государств, имеющих мало общего, кроме желания иметь большой голос в принятии решений по вопросам миропорядка.

В условиях выхода изменения климата на ведущие роли в мировой повестке Россия оказывается в особом положении. С одной стороны, она не принадлежит к числу развивающихся стран в терминах РКИК ООН, не переживает тяжелых проблем развития и не нуждается в международной помощи. С другой стороны, глобальная «зеленая» трансформация затрагивает ее национальные интересы и становится вызовом ее социально-экономическому развитию и, отчасти, политическому статусу на международной арене. Последнее относится не только к потенциальной потере статуса «энергетической сверхдержавы», но и к невозможности влиять на многие события и процессы, которые в том числе могут представлять собой угрозу национальной безопасности. В этом контексте, создаваемом внешней средой, Россия вынуждена пересматривать свой климатический курс, который, в свою очередь, непосредственно связан с экономическими, социальными, ресурсными, технологическими и внешнеполитическими аспектами ее развития: появляются новые долгосрочные приоритеты, транслируемые в международно-политическое поле.

2022 г. заставил российские политические элиты переосмыслить многие аспекты современного миропорядка. Вероятно, глобальный тренд декарбонизации начнет в скором времени восприниматься ими как нечто большее, чем модная политико-идеологическая повестка, призванная, среди прочего, препятствовать развитию российской экономики. Речь идет о формировании нового технологического уклада, который будет основываться на низкоуглеродных технологических решениях и борьба за лидерство в рамках которого на международной арене будет лишь обостряться. В условиях множественных зарубежных ограничительных мер такой взгляд соответствует интересам России в диверсификации экономики, усложнении ее структуры, снижении зависимости экспорта от узкого набора товарных групп, обеспечении технологического суверенитета.

Другим приоритетом, который актуализировался в новых геополитических условиях, является стремление к активизации диалога с незападными странами, в том числе по проблеме изменения климата, которая для многих из них входит в число явных приоритетов. Россия заинтересована как в продвижении альтернативной повестки декарбонизации, которая более соответствует ее национальным интересам, так и в консолидации под своим лидерством развивающихся стран, которые в более широком плане могут быть объединены стремлением к утверждению полицентричного миропорядка. В итоге возрастающее значение климата как нового фактора международных отношений находит свое отражение в национальном стратегическом планировании в сфере как климатической, так и экономической, и внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Вирт, Д.А. Парижское соглашение: новый компонент климатического режима ООН // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 4. С. 185–214. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-04-185>.

Wirth, David A. "The Paris Agreement as a New Component of the UN Climate Regime." *International Organisations Research Journal* 12, no. 4 (2017): 185–214.

Григорьев, Л.М., Макаров, И.А., Соколова, А.К., Павлюшина, В.А., Степанов, И.А. Изменение климата и неравенство: потенциал для совместного решения проблем // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 1. С. 7–30. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-01>.

Grigoryev, Leonid M., Igor A. Makarov, Anna K. Sokolova, Viktoria A. Pavlyushina, and Ilya A. Stepanov. "Climate Change and Inequality: How to Solve These Problems Jointly?" *International Organisations Research Journal* 15, no. 1 (2020): 7–30.

Ковалев, Ю.Ю., Поршнева, О.С. Страны БРИКС в международной климатической политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 64–78. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78>.

Kovalev, Yuri Yu., and Olga S. Porshneva. "BRICS Countries in International Climate Policy." *Vestnik RUDN. International Relations* 21, no. 1 (2021): 64–78 [In Russian].

Макаров, И.А., Степанов, И.А. Углеродное регулирование: варианты и вызовы для России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 6. С. 3–22. <https://doi.org/10.38050/01300105201761>.

Makarov, Igor A., and Ilya A. Stepanov "Carbon Regulation: Options and Challenges for Russia." *Moscow University Economics Bulletin. Series 6, Economics*, no. 6 (2017): 3–22 [In Russian].

Шуранова, А.А., Чистиков, М.Н. Место климатической безопасности в стратегическом планировании: кейс России и Норвегии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2023. № 2. С. 24–42. <https://doi.org/10.20542/afij-2023-2-24-42>.

Shuranova, Anna A., and Matvei N. Chistikov "Climate Security in States' Strategic Planning: The Case of Russia and Norway." *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 2 (2023): 24–42 [In Russian].

Albert, Michael J. "The Global Politics of the Renewable Energy Transition and the Non-Substitutability Hypothesis: Towards a 'Great Transformation?'" *Review of International Political Economy* 29, no. 5 (2021): 1766–1781. <https://doi.org/10.1080/09692290.2021.1980418>.

Blondeel, Mathieu, Michael J. Bradshaw, Gavin Bridge, and Caroline Kuzemko. "The Geopolitics of Energy System Transformation: A Review." *Geography Compass* 15, no. 7 (2021). <https://doi.org/10.1111/gec3.12580>.

Boas, Ingrid, and Delf Rothe. "From Conflict to Resilience? Explaining Recent Changes in Climate Security Discourse and Practice." *Environmental Politics* 25, no. 4 (2016): 613–632. <https://doi.org/10.1080/09644016.2016.1160479>.

Booth, Douglas E. "Postmaterialism and Support for the Environment in the United States." *Society & Natural Resources* 30, no. 11 (2017): 1404–1420. <https://doi.org/10.1080/08941920.2017.1295501>.

Buhaug, Halvard, and Nina von Uexkull. "Vicious Circles: Violence, Vulnerability, and Climate Change." *Annual Review of Environment and Resources* 46, no. 1 (2021): 545–568. <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-012220-014708>.

Buhaug, Halvard, Tor A. Benjaminsen, Elisabeth A. Gilmore, and Cullen S. Hendrix. "Climate-driven Risks to Peace Over the 21st Century." *Climate Risk Management* 39 (2023). <https://doi.org/10.1016/j.crm.2022.100471>.

Buhaug, Halvard. "Climate Change and Conflict: Taking Stock." *Peace Economics, Peace Science and Public Policy* 22, no. 4 (2016): 331–338. <https://doi.org/10.1515/peps-2016-0034>.

Busby, Joshua W. "Beyond Internal Conflict: The Emergent Practice of Climate Security." *Journal of Peace Research* 58, no. 1 (2021): 186–194. <https://doi.org/10.1177/0022343320971019>.

Chasek, Pamela S. *Global Environmental Politics*, 7th ed. New York: Routledge, 2017. <https://doi.org/10.4324/9780429495236>.

Clausing, Kimberly A., and Catherine Wolfram. "Carbon Border Adjustments, Climate Clubs, and Subsidy Races When Climate Policies Vary." *The Journal of Economic Perspectives* 37, no. 3 (2023): 137–162. <https://doi.org/10.1257/jep.37.3.137>.

Daoudy, Marwa, Jeannie Sowers, and Erika Weinthal. "What Is Climate Security? Framing Risks around Water, Food, and Migration in the Middle East and North Africa." *WIREs Water* 9, no. 3 (2022). <https://doi.org/10.1002/wat2.1582>.

de Souza Boeno, Raul K., and Viriato Soromenho-Marques. "Climate Deterrence: Disasters and Security After COP 21." In *Information Technology in Disaster Risk Reduction*, edited by Yuko Murayama, Dimiter Velev, Plamena Zlateva, and Jose J. Gonzalez, 119–138. Cham: Springer, 2017. https://doi.org/10.1007/978-3-319-68486-4_10.

Dryzek, John S., David Downes, Christian Hunold, David Schlosberg, and Hans-Kristian Hernes. "Co-optive or Effective Inclusion? Movement Aims and State Imperatives." In *Green States and Social Movements*, by John S. Dryzek, David Downes, Christian Hunold, David Schlosberg, and Hans-Kristian Hernes, 56–80, 1st ed. Oxford: Oxford University Press, 2003. <https://doi.org/10.1093/0199249024.003.0003>.

Falkner, Robert, Naghmeh Nasiritousi, and Gunilla Reischl. "Climate Clubs: Politically Feasible and Desirable?" *Climate Policy* 22, no. 4 (2022): 480–487. <https://doi.org/10.1080/14693062.2021.1967717>.

Falkner, Robert. "A Minilateral Solution for Global Climate Change? On Bargaining Efficiency, Club Benefits, and International Legitimacy." *Perspectives on Politics* 14, no. 1 (2016): 87–101. <https://doi.org/10.1017/S1537592715003242>.

Faus Onbargi, Alexia. "The Climate Change – Inequality Nexus: Towards Environmental and Socio-Ecological Inequalities with a Focus on Human Capabilities." *Journal of Integrative Environmental Sciences* 19, no. 1 (2022): 163–170. <https://doi.org/10.1080/01943815X.2022.2131828>.

Ferguson, Peter. "Discourses of Resilience in the Climate Security Debate." *Global Environmental Politics* 19, no. 1 (2019): 104–126. https://doi.org/10.1162/glep_a_00500.

Fredriksson, Per G., Eric Neumayer, Richard Damania, and Scott Gates. "Environmentalism, Democracy, and Pollution Control." *Journal of Environmental Economics and Management* 49, no. 2 (2005): 343–365. <https://doi.org/10.1016/j.jeem.2004.04.004>.

Friedlingstein, Pierre, Michael O'Sullivan, Matthew W. Jones, Robbie M. Andrew, Luke Gregor, Judith

Hauck, Corinne Le Quéré, et al. "Global Carbon Budget 2022." *Earth System Science Data* 14, no. 11 (November 11, 2022): 4811–4900. <https://doi.org/10.5194/essd-14-4811-2022>.

Gampfer, Robert. "Minilateralism or the UNFCCC? The Political Feasibility of Climate Clubs." *Global Environmental Politics* 16, no. 3 (2016): 62–88. https://doi.org/10.1162/GLEP_a_00366.

Gilmore, Elisabeth A. "Introduction to Special Issue: Disciplinary Perspectives on Climate Change and Conflict." *Current Climate Change Reports* 3 (2017): 193–199. <https://doi.org/10.1007/s40641-017-0081-y>.

Harari, Mariaflavia, and Eliana La Ferrara. "Conflict, Climate, and Cells: A Disaggregated Analysis." *Review of Economics and Statistics* 100, no. 4 (2018): 594–608. https://doi.org/10.1162/REST_a_00730.

Hill, Julie. "Circular Economy and the Policy Landscape in the UK." In *Taking Stock of Industrial Ecology*, edited by Roland Clift and Angela Druckman, 265–274. Cham: Springer, 2015. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20571-7_13.

Inglehart, Ronald. "Post-Materialism in an Environment of Insecurity." *American Political Science Review* 75 (1981): 880–900. <https://doi.org/10.2307/1962290>.

Inglehart, Ronald. "The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies." *American Political Science Review* 65 (1971): 991–1017. <https://doi.org/10.1590/S0104-44782012000300008>.

Johnsson, Filip, Jan Kjærstad, and Johan Rootzén. "The Threat to Climate Change Mitigation Posed by the Abundance of Fossil Fuels." *Climate Policy* 19, no. 2 (2019): 258–274. <https://doi.org/10.1080/14693062.2018.1483885>.

Kaiser, Cille. "Rethinking Polycentricity: on the North–South Imbalances in Transnational Climate Change Governance." *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics* 22 (2022): 693–713. <https://doi.org/10.1007/s10784-022-09579-2>.

Kameyama, Yasuko, and Keishi Ono. "The development of climate security discourse in Japan." *Sustainability Science* 16 (2021): 271–281. <https://doi.org/10.1007/s11625-020-00863-1>.

Klinsky, Sonja, and Jasmina Brankovic. *The Global Climate Regime and Transitional Justice*. London: Routledge, 2018.

Koubi, Vally. "Climate Change and Conflict." *Annual Review of Political Science* 22 (2019): 343–360. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-polisci-050317-070830>.

Lamain, Corinne. "Conflicting Security: Contributions to a Critical Research Agenda on Climate Security." *Globalizations* 19, no. 8 (2022): 1257–1272. <https://doi.org/10.1080/14747731.2022.2057093>.

Leal-Arcas, Rafael, and Andrew Filis. "International Cooperation on Climate Change Mitigation: The Role of Climate Clubs." SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY, June 10, 2021. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3863973>.

Leal-Arcas, Rafael, and Andrew Filis. "International Cooperation on Climate Change Mitigation: The Role of Climate Clubs." *European Energy and Environmental Law Review* 30, no. 5 (2021): 195–218. <https://doi.org/10.54648/eelr2021020>.

Liu, Zhancheng, Xinzi Lu, Ziyi Guo, and Haonan Ye. "Climate Change and Inequality: The Effectiveness and Potential Improvements of the Existing Approaches." *SHS Web of Conferences* 148 (2022). <https://doi.org/10.1051/shsconf/202214801026>.

Loiseau, Eleonore, Laura Saikku, Riina Antikainen, Nils Droste, Bernd Hansjürgens, Kati Pitkänen, Pekka

Leskinen, Peter Kuikman, and Marianne Thomsen. "Green Economy and Related Concepts: An Overview." *Journal of Cleaner Production* 139 (2016): 361–371. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.08.024>.

Mach, Katharine J., Caroline M. Kraan, W. Neil Adger, Halvard Buhaug, Marshall Burke, James D. Fearon, Christopher B. Field, et al. "Climate as a Risk Factor for Armed Conflict." *Nature* 571 (2019): 193–197. <https://doi.org/10.1038/s41586-019-1300-6>.

McDonald, Matt. "Discourses of Climate Security." *Political Geography* 33 (2013): 42–51. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2013.01.002>.

Mirumachi, Naho, Amiera Sawas, and Mark Workman. "Unveiling the Security Concerns of Low Carbon Development: Climate Security Analysis of the Undesirable and Unintended Effects of Mitigation and Adaptation." *Climate and Development* 12, no. 2 (2020): 97–109. <https://doi.org/10.1080/17565529.2019.1604310>.

Neumayer, Eric. "Do Democracies Exhibit Stronger International Environmental Commitment? A Cross-country Analysis." *Journal of Peace Research* 39, no. 2 (2002): 139–164. <https://doi.org/10.1177/0022343302039002001>.

Nordhaus, William. "Climate Clubs: Overcoming Free-Riding in International Climate Policy." *The American Economic Review* 105, no. 4 (2015): 1339–1370. <https://doi.org/10.1257/aer.15000001>.

Odeyemi, Christo. "The UNFCCC, the EU, and the UNSC: A Research Agenda Proposal for the Climate Security Question." *Advances in Climate Change Research* 11, no. 4 (2020): 442–452. <https://doi.org/10.1016/j.accre.2020.11.004>.

Oels, Angela. "Rendering Climate Change Governable by Risk: From Probability to Contingency." *Geoforum* 45 (2013): 17–29. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2011.09.007>.

Overland, Indra, Javlon Juraev, and Roman Vakulchuk. "Are Renewable Energy Sources More Evenly Distributed than Fossil Fuels?" *Renewable Energy* 200 (2022): 379–386. <https://doi.org/10.1016/j.renene.2022.09.046>.

Pacillo, Grazia, Daniel Kangogo, Ignacio Madurga-Lopez, Victor Villa, Anna Belli, and Peter Läderach. "Is Climate Exacerbating the Root Causes of Conflict in Mali? A Climate Security Analysis through a Structural Equation Modeling Approach." *Frontiers in Climate* 4 (2022). <https://doi.org/10.3389/fclim.2022.849757>.

Pettenger, Mary E. "Framing Global Climate Security." In *Global Insecurity: Futures of Global Chaos and Governance*, edited by Anthony Burke and Rita Parker, 119–137. London: Palgrave Macmillan, 2017. https://doi.org/10.1057/978-1-349-95145-1_7.

Rantanen, Mika, Alexey Yu. Karpechko, Antti Lipponen, Kalle Nordling, Otto Hyvärinen, Kimmo Ruosteenoja, Timo Vihma, and Ari Laaksonen. "The Arctic Has Warmed Nearly Four Times Faster than the Globe since 1979." *Communications Earth & Environment* 3, no. 1 (2022). <https://doi.org/10.1038/s43247-022-00498-3>.

Rothe, Delf. "Managing Climate Risks or Risking a Managerial Climate: State, Security and Governance in the International Climate Regime." *International Relations* 25, no. 3 (2011): 330–345. <https://doi.org/10.1177/0047117811415486>.

Scartozzi, Cesare M. "Climate Change in the UN Security Council: An Analysis of Discourses and Organizational Trends." *International Studies Perspectives* 23, no. 3 (2022): 290–312. <https://doi.org/10.1093/isp/ekac003>.

Scholten, Daniel, Morgan Bazilian, Indra Overland, and Kirsten Westphal. "The Geopolitics of Renewables:

New Board, New Game." *Energy Policy* 138 (2020). <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.111059>.

Spilker, Gabriele. "Helpful Organizations: Membership in Inter-Governmental Organizations and Environmental Quality in Developing Countries." *British Journal of Political Science* 42, no. 2 (2011): 345–370. <https://doi.org/10.1017/S0007123411000329>.

Stranadko, Nataliya. "Global Climate Governance: Rising Trend of Translateral Cooperation." *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics* 22, no. 4 (2022): 639–657. <https://doi.org/10.1007/s10784-022-09575-6>.

Tagliapietra, Simone, and Guntram B. Wolff. "Conditions Are Ideal for a New Climate Club." *Energy Policy* 158 (2021). <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112527>.

Tarr, David G., Dmitrii E. Kuznetsov, Indra Overland, and Roman Vakulchuk. "Why Carbon Border Adjustment Mechanisms Will Not Save the Planet but a Climate Club and Subsidies for Transformative Green Technologies May." *Energy Economics* 122 (2023). <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2023.106695>.

Theisen, Ole Magnus, Nils Petter Gleditsch, and Halvard Buhaug. "Climate Change and Armed Conflict 1: Reviewing the Evidence." In *States and Peoples in Conflict*, edited by Michael Stohl, Mark I. Lichbach, and Peter Nils Grabosky, 1st ed., 113–129. New York: Routledge, 2017. <https://doi.org/10.4324/9781315623634-7>.

Tobin, Paul, Nicole M. Schmidt, Jale Tosun, and Charlotte Burns. "Mapping States' Paris Climate Pledges: Analysing Targets and Groups at COP 21." *Global Environmental Change* 48 (2018): 11–21. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2017.11.002>.

Tørstad, Vegard, Håkon Sælen, and Live Standal Bøyum. "The Domestic Politics of International Climate Commitments: Which Factors Explain Cross-Country Variation in NDC Ambition?" *Environmental Research*

Letters 15, no. 2 (2020). <https://doi.org/10.1088/1748-9326/ab63e0>.

Unger, Charlotte, and Sonja Thielges. "Preparing the Playing Field: Climate Club Governance of the G20, Climate and Clean Air Coalition, and Under2 Coalition." *Climatic Change* 167 (2021). <https://doi.org/10.1007/s10584-021-03189-8>.

Vakulchuk, Roman, Indra Overland, and Daniel Scholten. "Renewable Energy and Geopolitics: A Review." *Renewable and Sustainable Energy Reviews* 122 (2020). <https://doi.org/10.1016/j.rser.2019.109547>.

van Weezel, Stijn. "Local Warming and Violent Armed Conflict in Africa." *World Development* 126 (2020). <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104708>.

von Uexkull, Nina, and Halvard Buhaug. "Security Implications of Climate Change: A Decade of Scientific Progress." *Journal of Peace Research* 58, no. 1 (2021): 3–17. <https://doi.org/10.1177/0022343320984210>.

Vousdoukas, Michalis I., Panagiotis Athanasiou, Alessio Giardino, Lorenzo Mentaschi, Alessandro Stocchino, Robert E. Kopp, Pelayo Menéndez, Michael W. Beck, Roshanka Ranasinghe, and Luc Feyen. "Small Island Developing States under Threat by Rising Seas Even in a 1.5°C Warming World." *Nature Sustainability* 6, no. 12 (2023): 1552–1564. <https://doi.org/10.1038/s41893-023-01230-5>.

Xie, Xiaolan, Mengmeng Hao, Fangyu Ding, David Helman, Jürgen Scheffran, Qian Wang, Quansheng Ge, and Dong Jiang. "Exploring the Direct and Indirect Impacts of Climate Variability on Armed Conflict in South Asia." *IScience* 25, no. 11 (2022). <https://doi.org/10.1016/j.isci.2022.105258>.

XiuJun, Xu. "The BRICS countries and international cooperation on climate change." In *The BRICS Studies: Theories and Issues, 1st ed.*, edited by Xu XiuJun. London: Routledge, 2020. <https://doi.org/10.4324/9780367492212-12>.

Сведения об авторах

Игорь Алексеевич Макаров,

к.э.н., руководитель Департамента мировой экономики,
заведующий Лабораторией экономики изменения климата НИУ ВШЭ
119017, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

e-mail: imakarov@hse.ru

Анна Артёмовна Шуранова,

младший научный сотрудник Лаборатории экономики изменения климата НИУ ВШЭ
119017, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

e-mail: ashuranova@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 30 октября 2023.

Переработана: 18 ноября 2023.

Принята к публикации: 23 ноября 2023.

Сведения о финансировании

В данной научной работе использованы результаты проекта «Декарбонизация в странах-импортерах и странах-экспортерах ископаемого топлива: различия в подходах и возможности выработки совместных практик», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

Благодарность

Авторы выражают благодарность за поддержку Факультету мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Макаров, И.А., Шуранова, А.А. Климатические изменения как новый фактор международных отношений // *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (4). С. 52–74.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-52-74>

Climate Change as a New Factor of International Relations

ABSTRACT

This article explores the escalating impact of climate change and the global green transition on international relations, particularly in the aftermath of the Paris Agreement in 2015. While physical risks stemming directly from climate change consequences are a concern, the rise of transition risks associated with the global green shift poses significant threats to societies, political systems, and economies. The current emissions reduction targets outlined in the Paris Agreement are deemed inadequate to address the mounting physical risks, underscoring the imperative of enhancing states' climate security. Transition risks are intricately linked to the fragmentation of global politics, driven by varying climate ambitions and disagreements on decarbonization methods among states. Fault lines emerge based on factors such as fossil fuel abundance, states' positions in energy geopolitics, socio-economic development levels, utilization of green transition opportunities, and participation in international climate agreements. In this context, Russia confronts numerous risks, compelling the nation to articulate and advocate its unique vision of decarbonization while fostering alliances with non-Western states in this critical domain.

KEYWORDS

international climate politics, decarbonization, international climate change regime, physical risks, transition risks, climate security, energy transition

Authors*Igor A. Makarov*

PhD (Econ.), Head of School of World Economy,
Head of Laboratory for Economics of Climate Change,
HSE University

17, Malaya Ordynka street, Moscow, Russia, 119017

e-mail: imakarov@hse.ru

Anna A. Shuranova

Junior research fellow, Laboratory for Economics of Climate Change,
HSE University

17, Malaya Ordynka street, Moscow, Russia, 119017

e-mail: ashuranova@hse.ru

Additional information

Received: October 30, 2023. Revised: November 18, 2023. Accepted: November 23, 2023.

Funding

The article draws on the results of the project “Decarbonization in importing and exporting countries of fossil fuels: differences in approaches and opportunities for developing joint practices,” carried out within the framework of the HSE Basic Research Program in 2023.

Acknowledgment

The authors also express their gratitude for the support of the Faculty of World Economics and World Politics of the Higher School of Economics.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Makarov, Igor A., and Anna A. Shuranova. “Climate Change as a New Factor of International Relations.” *Journal of International Analytics* 14, no. 4 (2023): 52–74.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-52-74>